

Наталия Осояну

•
НАГРАДА ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ЗА ПЕРЕВОДЫ

•
ПЕРЕВОДЧИК
БРЕНДОНА
САНДЕРСОНА,
РОБИН ХОББ,
КЭТРИН ВАЛЕНТЕ
и ЙЕНА
МАКДОНАЛЬДА

НЕВЕСТА ВЕТРА

Наталия Осояну
Невеста ветра
Серия «Дети Великого
шторма», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/156497>

Невеста ветра / Наталия Осояну: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112655-1

Аннотация

<р>«Невеста ветра» – первая часть трилогии «Дети Великого Шторма», рассказывающей о мире бескрайних океанских просторов и бесчисленных островов, населенном, помимо людей, удивительными существами, в числе которых самые необыкновенные – живые корабли, способные вступать в ментальную связь со своими навигаторами. Однажды в этот мир явились пришельцы-магусы – пятнадцать наделенных особыми талантами семейств с именами птиц – и, вопреки собственным желаниям, остались навсегда. С той поры прошло три с лишним тысячи лет, но страсть магусов к интригам не утихла, а любовь к древним тайнам возросла. И вот теперь последнему отпрыску уничтоженного семейства предстоит отыскать путь к самой главной из этих тайн: «Утренней звезде», потерпевшему крушение кораблю магусов. Но ни он сам, ни его товарищи

даже не догадываются, насколько длинной и опасной окажется их одиссея на борту живого фрегата с изумрудно-зелеными парусами.</p>

Содержание

Шум моря	5
1. Сундук целителя	22
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Наталия Осояну

Невеста ветра

И сказал Буревестник небесным детям так:

*– Обучая детей земли тому, что знаете сами,
помните о моих словах!*

*Не отдавайте им огонь, ибо обратится он
против вас.*

*Не позволяйте им оседлать ветер, ибо умчатся
они так далеко, что вы не сумеете угнаться следом.*

*Не учите их видеть сокрытое, ибо тогда
настанет время Великого Шторма!*

*А если нарушите все три запрета, то упадет с
небес «Утренняя Звезда» – и дорога домой навсегда
закроется для вас.*

Книга Основателей

*Не отказывай страждущему, не жалея сил, не
читай чужих мыслей.*

Клятва Эльги

Шум моря

Холодное осеннее небо лишь слегка заалело на востоке, когда Фаби вышла из своей комнаты и быстрым шагом направилась к опочивальне принцессы Ризель. Слуги, попадавшиеся ей навстречу, почтительно кланялись. Совсем недав-

но челядь вовсе не старалась угодить девушке, занимавшей при дворе капитана-императора Аматейна положение гостьи поневоле, но теперь все изменилось. Она превратилась из заложницы в спутницу принцессы, ее начали уважать и даже, как ни странно, бояться.

В темных углах что-то негромко шуршало и потрескивало. За год Фаби так и не сумела привыкнуть к странным звукам, которыми Облачная цитадель полнилась по ночам, а одна мысль о том, что во мраке по запутанным лабиринтам коридоров бегают многоногие металлические твари, приводила ее в ужас. К утру мехи всегда расползались по норам: стоило солнцу подняться над горизонтом, их уже не было ни видно, ни слышно. Обитатели дворца любили долго спать, и многие из них годами не встречались с созданиями, чьи поцарапанные панцири помнили времена, когда на месте Облачной цитадели мерры пасли морских коров. Мехи никого не обижали: в худшем случае древний механизм, пробегающий по потолку спальни, мог свалиться на голову спящему. Конечно, приятного в этом было мало, но от них имелась и польза: мыши, крысы и прочие вредители в дворцовых кладовых не водились именно по той причине, что все подходящие для обитания щели и дыры облюбовали мехи.

Фаби знала, что ночные шорохи безопасны, но ничего не могла поделать с собой: первое время, заметив краем глаза шевеление и поблескивание где-нибудь в углу, она отпрыгивала в сторону, словно перепуганная птичка. Птичка-неве-

личка, растрепанный невзрачный воробушек. Ничего удивительного – она и внешне, и по характеру была настоящим воплощением своего кланового знака.

В клетке с орлами и ястребами воробьи долго не живут. Предшественник Фаби – троюродный брат, которого она совсем не знала, поскольку виделись они лишь однажды, еще детьми, – провел здесь чуть больше года и погиб на охоте при весьма странных обстоятельствах. Аматейну понадобился новый заложник, и на этот раз им должен был стать кто-то очень близкий и важный для главы семейства. Фаби помнила, с какими лицами родители провожали ее в Облачный город, столицу Империи...

Однако все пошло совсем не так, как они предполагали. В один прекрасный день принцесса Ризель вдруг объявила, что юная провинциалка, не имеющая ни малейшего представления о сложных дворцовых интригах, отныне будет ее спутницей. Сплетники неделю только об этом и говорили, но никто не осмелился открыто возмущаться – с решениями Ризель не полагалось спорить, как если бы все они до единого были высказаны посредством *сильного слова*, ее родового дара.

Должность спутницы подразумевала больше обязанностей, чем привилегий. Фаби стала для Ризель собеседницей, секретарем, служанкой и шпионкой. Оказалось, воробей подходит на эту роль куда лучше, чем ястреб, орел или ворон. Она была незаметной и – хотя об этом никогда не говорилось вслух – незаменимой: она все понимала без слов

и умела молчать. Собственно говоря, она почти все время молчала. Поначалу ей пришлось нелегко. Потом она почувствовала, что Ризель из «госпожи» и «ее высочества» превращается в кого-то вроде мудрой старшей сестры, и заточение в Облачной цитадели стало чуть менее тяжким грузом.

Принцесса была хороша собой. У нее имелась целая армия тайных воздыхателей, которые посвящали ей стихи и устраивали дуэли, сходя с ума от любви. Ни один из них, конечно, никогда не осмелился бы признаться ей в своих чувствах. Ризель была недосягаема, словно сама Светлая Эльга. Она одевалась только в белое и редко посещала балы; она делала то, что полагалось бы делать принцу, – так уж вышло, что у капитана-императора не осталось сыновей.

Ризель походила на фарфоровую статуэтку, но ее хрупкость была обманчива – в отличие от фарфора, разбить ее смог бы только удар кузнечного молота.

Войдя, Фаби увидела, что Ризель не спит. Принцесса сидела за письменным столом, уронив голову на руки. Густые длинные волосы закрывали ее лицо, словно плотная белая вуаль, – из-за них дочь капитана-императора почтительно называли Белой Цаплей, хотя по углам шептались, что дерзости наследнице престола не занимать, раз она не желает скрывать столь явный признак вырождения. Перед ее высочеством лежала книга с пожелтевшими от времени страницами. Фаби уже видела этот древний том и знала, что он со-

бой представляет. Отец рассказывал ей, что когда-то в каждом семействе хранился такой же, но постепенно все они были утрачены. Лишь немногим удалось сберечь отдельные страницы, однако содержание этих страниц оставалось тайной. Язык, на котором три тысячи лет назад была написана Книга Основателей, уже тогда считался мертвым, и теперь мало кто мог похвастать знанием более впечатляющим, чем несколько странно звучащих слов. Выходило, что от Прародины у небесных детей осталась только их сильно разбавленная кровь.

– Я закончила перевод, – устало проговорила Ризель. – Посмотришь?

Девушка подошла ближе, не дожидаясь повторного приглашения. Ей уже случалось знакомиться с переводами Ризель. Та была искренне удивлена, узнав, что дочь лорда Воробья не так уж плохо образованна, быстро читает и вырисовывает пером витиеватые буквы в лучших традициях старинного искусства каллиграфии, и не преминула добавить к многочисленным обязанностям спутницы еще одну. Фаби не возражала даже в мыслях, понимая, что ей оказывают большую честь. К тому же читать переводы, сделанные принцессой, было очень интересно.

Исчерканные листы стоили дороже, чем полностью снаряженный боевой фрегат. Поскольку знатоков древнего наречия в Империи почти не осталось, какой-нибудь ученый из Ниэмарского университета или знаменитой Лазурной акаде-

мии, не говоря уже о Невидимом содружестве, с радостью продал бы Великому Шторму правую руку или правый глаз за возможность взглянуть на перевод Книги Основателей, выполненный самой Белой Цаплей.

– Мы с каждым днем все дальше от Прародины, – неожиданно проговорила Ризель, глядя в пустоту. – Почтенные ученые мужи забыли наш язык, а обитатели Облачной цитадели предпочитают танцевать на балах и плести интриги. Я не могу их винить... Ведь «Утренняя звезда» потеряна, и даже если вдруг кто-то ее найдет, мы не будем знать, что делать дальше. Мы изменились, утратили способности и знания, сделались куда больше похожи на земных детей, чем принято считать. К добру это или к худу? – Она усмехнулась горько и зло. – Как знать... Почитай мне вслух, пожалуйста.

«Шел год седьмой от Великого пришествия, и тогда собрались все небесные дети. Первым говорил Капитан Ворон, и сказал он так:

– Братья и сестры мои! Вижу я, что люди этого мира уже не ходят на четырех конечностях, словно животные, и не пожирают плоть подобных себе. И это хорошо!

Вторым вышел говорить Жаворонок, и сказал он так:

– Братья и сестры мои! Теперь люди этого мира знают, как растить пшеницу и рис, бобы и просо. Большие не едят они траву, что стелется под ногами, и водоросли, что прибывает к берегу...»

Фаби словно раздвоилась. Одна ее половина послушно читала, продираясь сквозь записи – почерк Ризель временами становился удивительно небрежным, – а другая лихорадочно размышляла: что происходит? Неужели ее высочество решила испытать свою спутницу? Ведь любой ребенок – не магус! – знает, что небесным фрегатом, «Утренней звездой», командовал первый капитан-император из клана *Цапли*.

Ризель нетерпеливо приказала:

– Дальше читай! Там, где про огонь.

Фаби пробежала глазами остаток записей и взяла следующий лист.

«Так говорил каждый из пятнадцати магусов, небесных детей, о благах, что принесли они детям земным, а когда все закончили, снова встал Капитан Ворон и спросил:

– Все ли помнят о том, что говорил Буревестник в день, когда впервые мы ступили на эту землю? Все ли соблюдали его наставления?

– Да! – ответили магусы, но нахмурился Капитан Ворон, потому что знал: один из соплеменников не сдержал слова и дал людям огонь. Никто не признавался в содеянном, и тогда сказал Капитан:

– Хорошо же! Значит, люди открыли огонь сами, и только они одни виноваты в случившемся. Так услышьте, что еще было предсказано: если земные люди узнают тайну ог-

ня, нам следует дать им огня великое множество».

Фаби застыла. Час от часу не легче – сперва «Капитан Ворон», а теперь *это*. Что еще за «огня великое множество»? Она совсем другую сказку слышала в раннем детстве.

– Читай-читай, – подбодрила Ризель свою спутницу.

«Небесные дети сидели спокойно и слушали Капитана Ворона. И тогда он спросил:

– Скажите мне теперь, не нарушал ли кто второй запрет?

– Нет! – сказали небесные дети, и помрачнел Капитан Ворон словно туча: видел он, как летают по небу те, кто совсем недавно ползал по земле, точно черви.

– Хорошо же! – сказал он. – Значит, люди научились летать сами, и поэтому увидят они самые большие крылья из всех, что есть у нас».

– Ты веришь, что магусы когда-то умели летать?

– Я... – Фаби растерялась. Принцесса пытливо вглядывалась в лицо спутницы, ожидая ответа. – Я знаю, что «Утренняя звезда» пролетела сквозь Вечную ночь – ведь как иначе наши предки оказались в этом мире? Но... нет, я думаю, это какая-то метафора. Из разумных существ летать умеют только крыланы, да и те, похоже, исчезли навсегда.

– Метафора... – пробормотала Ризель, качая головой. – Читай дальше. Сейчас будет еще одна... метафора.

«Когда понял Капитан, что третий запрет тоже оказался нарушен, потому что видели и знали дети земные то, чего не должны были видеть и знать, сказал он так:

– Если тот, кто сделал это, не признается сейчас, то одарим мы землю эту последними дарами, а потом улетим домой.

Встал тогда хранитель огня, Пламеннокрылый Феникс, промолвил:

– Я дал людям огонь.

Сказал он:

– Я подарил им крылья.

Были его последние слова такими:

– Я научил людей видеть сокровище.

Тогда Капитан попросил у магусов, детей небесных, семь дней на размышления, но раздумывал он в семь раз дольше, потому что слишком тяжелое решение должен был принять. Вернувшись к народу своему, сказал он Фениксу так:

– Пусть возьмет огонь тот, кто придет сменить тебя. Сам же ты получишь пламя, и крылья, и море – и покинешь нас навеки.

Промолвила тогда Эльга-Заступница:

– Прости его, Мудрейший! Что сделано, того не воротишь. Видишь, „Утренняя Звезда“ сияет на небе, как раньше, – значит, предсказание Буревестника не сбылось. Пусть останется с нами тот, в чьем сердце вечно живет огонь да-

леких звезд, — ведь без него мы не сумеем пролететь сквозь Вечную ночь!

Но непреклонен был Капитан Ворон. И произнес он слова холоднее льда и тяжелее камня:

— Как можем мы ожидать, что земные дети будут уважать нас и бояться, если слово мага стало легче птичьего пера? Три запрета были нарушены, и три наказания понесет отступник.

Стоило ему сказать это, как раздался гром и от множества молний закипел бескрайний океан. Когда утихла страшная буря, увидели маги, что нет больше „Утренней Звезды“.

Так сбылось предсказание Буревестника, после чего ушел Ворон Дорогой печали. Так осиротели небесные дети, лишившись родного дома, который остался по другую сторону Вечной ночи».

Фаби положила исписанный листок обратно на стол и обняла себя за плечи, пытаясь унять сильную дрожь. Или, быть может, это Облачная цитадель вокруг нее зашаталась и задрожала, словно дерево на ветру?

Воробей не может повлиять на ход событий. Воробей вообще ничего не может. Если клан Ворона отыщет мага, способного перевести то, что перевела Ризель, маленьким птичкам останется лишь наблюдать и надеяться, что грандиозный шторм пройдет стороной. Их целью всегда было

выживание, и до сих пор семейству сопутствовал успех – во многом благодаря тому, что воробьи умели довольствоваться малым. Те самые гордые фениксы, клан Фейра, – где они? Уничтожены, разбиты, навеки опозорены. Буревестники? Последний из рода Амальфи пал жертвой предательства, которое не сумел предугадать, хотя и обладал даром ясновидения. Даже миролюбивые хронисты и библиотекари Соффио, клан Совы, не выстояли в битве с Великим Штормом...

Возможно, всем семействам суждена подобная судьба. А тех, кто выживет, прикончит враг незаметный и безжалостный, затаившийся в их собственной крови, – ведь не зря с давних времен говорили, что нет ничего важнее, чем кровь.

Фаби выпрямилась и встретила взгляд Ризель: принцесса улыбалась краешком рта, да только в улыбке не было ничего веселого. На плечах этой хрупкой женщины лежал чудовищный груз. Белая Цапля служила единственным глашатаем воли капитана-императора, который так давно не покидал покоев в западном крыле Облачной цитадели, что об этом знали даже жители отдаленных краев Империи. Странная болезнь, поразившая верховного правителя Десяти тысяч островов, не была заразной – по крайней мере, за долгие годы никто не подхватил от него тяжелый недуг. Но если раньше он хоть изредка принимал посетителей, то теперь его навещали только двое доверенных слуг и принцесса. Ризель заходила к отцу каждое утро и выслушивала наставления, которые затем передавала советникам. Однажды – уже

после того, как Фаби привезли во дворец, – кто-то из клана Орла захотел встретиться с императором лично. Ризель не стала возражать, и магуса провели к больному. Строптивец пробыл там недолго – выскочил за дверь весь бледный и трясущийся, бормоча что-то о проклятии, которое наслал сам Великий Шторм. Потом Фаби слышала, что он почти сутки провел в ванной и заставил слуг сменить воду не меньше двадцати раз.

Больше о личной аудиенции никто не просил.

«Капитан-император скоро умрет...»

Даже произнеся эту фразу мысленно, Фаби от ужаса зазмурилась. Император Аматейн, которому не исполнилось еще ста лет, был молод по меркам небесных людей. Родители рассказывали Фаби о коронации Аматейна – столь пышной, что всем казалось, будто она всенепременно ознаменует начало нового золотого века. Получилось совсем наоборот: война с Окраиной разгорелась с новой силой, да к тому же Империю ослабляли постоянные столкновения между семействами. Только три клана из пятнадцати: жаворонки, воробы и совы – сумели остаться в стороне от интриг и борьбы за земли. Остальных же словно поразило внезапное безумие, и они с ожесточением принялись уничтожать друг друга. Сорок лет назад Аматейн положил конец распрям, подписав с самыми могущественными семействами, согласившимися на его условия, Договор Семерых, к которому потом примкнули три самых слабых клана, включая и клан Тори-

мо, семью Фаби. Но фениксы, буревестники и совы, согласно туманным слухам, были истреблены за свою гордость, а земли хитроумных пересмешников и упрямых голубей Семеро разделили между собой, не стесняясь собственного вероломства. Где-то на просторах Империи остатки побежденных кланов лелеяли планы мести, но против объединившихся врагов они были бессильны.

Впрочем, что заставило победителей сплотиться? И так ли крепок их союз? С чего все началось?..

Много лет спустя уже никто не мог с уверенностью сказать, что на самом деле произошло с непокорными Фейра, Амальфи и Соффио и были ли они хоть отчасти виновны в измене, за которую их наказали. Фаби доподлинно знала лишь одно: через некоторое время после гибели семейства Фейра болезнь капитана-императора впервые дала о себе знать. Поначалу его недуг вовсе не казался ужасным. Уже потом, когда стало понятно, что хворь не намерена отпускать Аматейна из цепких когтей, во дворец стали приглашать лучших целителей – сначала тайно, а потом и в открытую. В Облачной цитадели побывал даже мудрый лорд Рейнен, старейшина вороньего семейства и самый старый магус из всех живущих, но и он не сумел помочь повелителю небесных детей.

Капитан-император стоически перенес то, что болезнь изуродовала его красивое лицо, заставив на людях носить маску, но судьба подготовила для него удар пострашнее: Ти-

бурон, старший сын Аматейна, пропал где-то на севере, и вот уже без малого десять лет о нем не было никаких известий.

А два года назад Аматейн потерял сразу жену и младшего сына, Амари: мальчика растерзали сторожевые пардусы, сбежавшие из клетки, после чего ее величество тоже стала затворницей: она теперь почти все время проводила в Садах иллюзий, в обществе нескольких спутниц. Фаби слышала, что звери оставили от тела бедного ребенка всего-то несколько костей. Ради похорон сына Аматейн вышел из своих покоев, превратившихся в подобие тюрьмы, но потом, когда траурный срок закончился, вновь исчез. По дворцу поползли слухи.

Болезнь зашла слишком далеко.

Было весьма сомнительно, что капитан-император сумеет снова зачать наследника, а ведь три тысячелетия трон передавался только по мужской линии. Единственная дочь Аматейна обладала изумительной красотой и разнообразными талантами: она разбиралась в политике и могла поддержать разговор о тонкостях морского дела с такой же легкостью, как если бы речь шла о тканях или драгоценных камнях, с ней считали за честь побеседовать о вопросах философии виднейшие ученые из разных городов... Но все-таки она была женщиной. А сильнейшие кланы никогда не склонили бы головы перед императрицей, подле которой нет императора.

Пустующее место рядом с дочерью Аматейна вызывало противоречивые чувства: с одной стороны, многих оно при-

влекало, а с другой – белые волосы Ризель означали, что в клане Цапли началось вырождение. Кровь владык Облачного города отравлена. Все знали, как это происходит. Сначала меняется цвет волос, потом появляются другие странности, а чуть позже настает время *бескрылых*, лишенных дара, и тех, о чьем существовании не принято говорить вслух.

Но немало людей ради трона готовы были смириться и с этим.

За поведением Ризель следили очень внимательно, пытаюсь истолковать каждый ее шаг как проявление симпатии к кому-то из молодых магусов. Пока что ее высочество была со всеми одинаково вежлива и холодна. Но какой бы выбор ни сделала принцесса, кому-то он обязательно не понравился бы, и даже Фаби понимала, что новой войны между кланами не избежать. А если станет известно, что владычество Цапли десятки веков держалось не только *насильных словах* и цепкой хватке невидимых рук, но и на зыбком фундаменте из слегка подправленных легенд, никто не будет дожидаться смерти Аматейна.

Взгляд Ризель сделался тяжелым, и Фаби поняла, что время, отведенное ей на размышления, закончилось.

– Говори.

Девушка с трудом взяла себя в руки:

– Эта история записана в Книге Основателей, и каждая мелочь в ней важна, а то, что я вижу, – совсем не мелочь... Ваше высочество, я даже не знаю, как сказать, но... э-э...

вероятно, Империю ждут перемены. Неужели... простой воробей может чем-то... помочь Белой Цапле?

Ризель не успела ответить – в открытое окно ворвался ветер и разметал рукопись по комнате. Фаби следовало бы броситься ее собирать, но почему-то она не смогла даже пошевелиться. Ризель сидела неподвижно, пока ветер не стих. А потом разлетевшиеся листочки сами собой принялись сползаться к ногам принцессы, аккуратно укладываясь в стопку.

– Империя сейчас подобна одуванчику, – сказала ее высочество. Рукопись взлетела с пола и легла ей на колени. – Стоит кому-нибудь дунуть посильнее, и от бывшего величия останутся одни воспоминания.

Принцесса встала, прижимая листы с переводом к груди и пристально глядя в глаза спутнице. Она была выше Фаби всего на полголовы, но девушке показалось, что Ризель смотрит на нее откуда-то с заоблачных высот.

– Мне очень страшно, воробышек. Скоро моя жизнь бесповоротно изменится... Придется совершать поступки, которые вызывают у меня отвращение и ужас. Мне нужен кто-то... Мне нужен человек, который будет помнить меня прежней... – Внезапно ее голос сел, и принцесса не сразу сумела продолжить: – Я хочу, чтобы ты всегда оставалась со мной. Ты не откажешь мне в этой просьбе?

Ответ был очевиден.

– Я рядом, ваше высочество, – сказала Фаби. – И буду рядом. Всегда.

– Вот и славно. – Улыбка осветила бледное лицо Белой Цапли. – А теперь прикажи, чтобы приготовили ванну.

Над морем занималось утро нового дня.

Ветер вот-вот должен был перемениться.

1. Сундук целителя

[«Смотрите, смотрите, что у меня есть!»

Город изнывает от полуденного зноя, и даже крики чашек кажутся не такими пронзительными, как обычно. Чьи-то смуглые ладони в ссадинах и царапинах сложены ковшиком. В ковшике плещется рыбешка – серебристая, с черными полосками по бокам и агатовыми глазами-бусинами. Капли морской воды оставляют темные пятна на полу кухни.

Скоро обед. Вкусно пахнет жареным.

«Светлая Эльга нас благословила, это награда за все наши испытания! Вы только поглядите, до чего красивая шкура! Она приплыла, она выбрала меня... Вот увидите, теперь все будет хорошо!

Я это точно знаю!»]

Легкий бриз проскользнул в окно, не тронув Эльгин колокольчик, висевший на положенном месте, и шаловливо взъерошил волосы Эсме. Она открыла глаза. Словно сама Заступница погладила ее по голове. От этого ночь, переполненная обрывками воспоминаний и бессвязными тревожными сновидениями, сразу же утратила важность.

Начинался новый день, а ночь... да ну ее к кракену.

Недолго поглядев на потолок, где давно уже были изучены и сосчитаны все трещины, Эсме осторожно приподнялась на

локте. В глазах сразу же потемнело, табуретка и сундук пустились в пляс, а стоило зажмуриться, как под веками зашипало, словно кто-то щедрой рукой сыпанул туда песка. Ничего удивительного: ей уже больше недели не удавалось как следует выспаться. Она проваливалась в черную бездну, а потом внезапно просыпалась, задыхаясь и дрожа от ужаса, еще более уставшая, чем прежде. Временами казалось, что она слышит знакомый голос – голос человека, который пять дней назад замолчал навсегда. Временами во тьме звучали и другие голоса, но всякий раз услышанное выветривалось из ее головы быстрее, чем она успевала не просто что-то запомнить, а хотя бы осознать.

[Ты заболела. Бессонница – недуг, который время от времени настигает всех целителей. А твой случай совсем тяжелый. Память, бедная изувеченная память не дает тебе уснуть.]

– Ты что-то сказал? – проговорила она вслух, глядя в пустоту, и горько улыбнулась. – Прости, я не расслышала.

[Кто бы сомневался.]

В происходящем не было ничего удивительного. Однажды она сделала с собой то, чего не следовало делать ни в коем случае: отсекла часть воспоминаний и спрятала в [сундук], чтобы избавиться от боли. [Сундук], незримый и невесомый, каждый целитель носил с собой с момента, когда пробуждался дар, и до самой смерти; в него полагалось складывать чужие мыслеобразы, застрявшие в памяти. Только так цели-

тель мог оставаться самым собой, а кое-кого [сундук] и вовсе спасал от безумия. Но, отказавшись от собственных мысле-образов, Эсме словно утратила часть тела и вот уже много лет страдала от фантомных болей, которые ничем не отличались от тех, что мучают калек.

И все равно она ни о чем не жалела.

– Долг целителя – с рассветом открывать двери свои...

Слова утренней молитвы, истертые до дыр и давным-давно потерявшие свежесть, немного привели ее в чувство и позволили для начала сесть и опустить на пол босые ноги. Под пятками скрипнуло – вчера она забыла вымести из комнаты вездесущий тейравенский песок.

[Лучше бы уборкой занялась, чем всю ночь вертеться.]

Она поморщилась.

– Целители встают до восхода, а спать ложатся глубокой ночью, ибо в их помощи нуждаются те, чей труд начинается с первыми солнечными лучами и продолжается после наступления темноты...

Она встала, борясь с подступающей тошнотой.

– Великий дар, благословение Эльги, надлежит использовать на суше и на море, во благо детей неба и детей земли. Так говорит Заступница, я следую ее заветам. Да минуют шторма капитана-императора, да пребудет он... хм... пусть у него все будет хорошо.

Завершению целительской молитвы явно не хватало почитительности. Императора, который, по слухам, заживо гнил

в своем дворце далеко на северо-востоке, лечить следовало не молитвами. Если его вообще можно было вылечить.

Туман перед глазами постепенно рассеивался, но в ушах как будто шумел прибой. Нет, так не пойдет. Если она не хочет весь день бродить по узкой грани между бодрствованием и обмороком, надо принять меры. Эсме снова села и, заранее скривившись, вытащила из-под кровати оставленный там с вечера флакон с жидкостью болотно-зеленого цвета. Вкус у настойки вигилярии – Велин, опекун и учитель Эсме, называл ее пробудиловкой – был очень противным, и, чтобы осушить флакон до самого дна, пришлось собрать остатки сил.

– Гадость какая... – пробормотала Эсме, когда отвратительная жидкость ухнула в желудок.

Зелье предназначалось для того, чтобы взбодрить уставшего целителя, но злоупотреблять им не рекомендовалось. Однако кто теперь мог ее остановить? Через несколько ударов сердца в голове прояснилось, глаза перестали болеть. Целительница медленно оделась – она носила белую рубаху с подвернутыми до локтя рукавами и широкую серую юбку до щиколоток, – потом умылась, расчесала волосы и повязала голову изумрудно-зеленым шарфом. За окном просыпался город. Над городскими крышами и верхушками мачт вились стаи чаек-крикунов – они, как всегда, снялись с насиженных мест еще до рассвета и отправились на поиски еды.

– Вам бы все жрать да жрать... – пробормотала Эсме.

Одна чайка, словно услышав ее слова, спикировала пря-

миком на подоконник; в комнате тотчас же завоняло тухлятиной, причем это был вовсе не мыслеобраз запаха, а самый настоящий, осязаемый носом смрад. Эсме в тысячный раз спросила себя, отчего именно это гадкое создание стало символом Гильдии целителей. Ответ, прекрасно ей известный, был прост и сложен одновременно: из всех птиц только крикуны могли читать мысли и передавать мыслеобразы, да к тому же чайка служила клановым знаком семейству, под чьим покровительством целители пребывали вот уже три тысячи лет.

Крикун щелкнул длинным клювом.

– Вон отсюда! – Эсме не испугалась, хотя прекрасно знала, что птица в мгновение ока может вырвать из нее кусок плоти размером с кулак. От нападения крикуна удерживала только трусость. – Улетай!

Чайка наклонила голову, захлопала крыльями. Красные глаза злобно блеснули. Не зря, ох не зря моряки говорили, что встречаться взглядом с крикуном – не к добру... Эсме ощутила волну лютой ненависти, исходившую от птицы: вечно голодная тварь думала о еде, но мыслеобразы выдавали желание поживиться вовсе не рыбой, а мясом. Человеческим мясом.

– Пошла прочь, зараза!

Девушка схватила пустой флакон и швырнула в птицу. Та увернулась с легкостью и атаковала в ответ на свой лад: если раньше Эсме ощущала лишь отголосок кровожадных

мыслей крикуна, то теперь... ее накрыло. Зрелище распотрошенных внутренностей само по себе не могло испугать целительницу – ей приходилось видеть куда более страшные вещи, – но чайка добавила к отвратительной картине удовольствия и предвкушения роскошного пира. Девушку чуть не стошнило от отвращения. Она бросилась к птице – и схватила воздух. Выдав напоследок издевательский вопль, чайка присоединилась к своим товаркам – кружить над Тейравенской пристанью до позднего вечера, досажать морякам криками и воровать рыбу у разинь.

[Положи это в сундук. Или ты хочешь помнить, как вкусна была падаль, как ты выклевывала глаза у трупа? Нельзя хранить в своей голове такое, немедленно выбрось эту гадость. Положи в сундук, быстрее.]

Поморщившись от внезапной боли в затылке, Эсме осторожно выглянула наружу и убедилась, что ее снаряд никого не задел, а просто упал на мостовую и разбился. Она закрыла глаза и увидела не темноту, а сине-зеленую толщу воды и рыбку – юркого малька, серебристого, с черными полосками по бокам. Мыслеобраз вызвал непонятную тревогу. Чье это воспоминание? Неужели ее собственное?

[Положи и это в сундук. Ну же, давай!]

– Пора открыть двери, – сказала целительница вслух и нахмурилась. – Правила есть правила.

Маленький дом, в котором совсем недавно жили двое, промолчал в ответ.

Их с Велином жилище располагалось гораздо ближе к порту, чем лавки остальных тейравенских целителей и лекарей. В другом городе и при других обстоятельствах это весьма помогло бы в борьбе за клиентов – ведь у больного или раненого моряка нет времени и сил, чтобы долго бродить по незнакомым улицам в поисках того, кто окажет ему помощь. Но Велин был в Тейравене чужаком и чужаком остался до самого конца. Слишком молчаливый даже для целителя, слишком ироничный, слишком умный по меркам маленького провинциального городка. Десяти лет не хватило, чтобы к нему привыкли, и сам Тейравен будто сопротивлялся его присутствию.

Эсме спустилась на первый этаж, открыла двери настежь и взялась за метлу. Велину не нравилось, что она все время нарушает порядок: уборку полагалось делать вечером, а утренние часы – посвящать чтению и медитации. Однако он ей не мешал. Они понимали друг друга без слов и, живя в одном доме, пребывали каждый в собственном мире, не пересекая чужих границ. В общем-то, так было заведено у всех целителей: молчание и расстояние имеют особую ценность для того, кто способен с трех шагов прочитать любого человека или магуса словно открытую книгу. И все же она чувствовала, что совершила серьезную ошибку, позволив ему сохранить в тайне почти всю жизнь до Тейравена. Она знала, откуда он родом, но понятия не имела, на каком фрега-

те он провел больше двадцати лет. Она так и не осмелилась спросить, что за бледный, выцветший цветок хранился в его любимой книге – «О природе вещей» Филара. Она навсегда упустила возможность узнать о нем много важного...

От этого, конечно, ее любовь к нему ничуть не ослабела.

[Бамц!]

Внезапно целительницу окружил вихрь мыслеобразов, в центре которого располагался сундук, казавшийся вполне материальным. Из черного дерева, с полустертыми узорами по бокам: берег, башня, птицы над морем, чье-то красивое лицо посреди облаков. Замок на сундуке был устрашающим – огромным, тяжелым. Из замочной скважины высовывался ключ, словно приглашая Эсме спрятать еще что-нибудь *бесполезное*. Она застыла с метлой в руках, чувствуя, как течет по жилам кровь – медленно, точно смола. Каждый удар сердца отдавался в ушах болезненным гулом. Выбираясь из глубин подсознания, [сундук] из эфемерного образа становился почти настоящим и всей своей немалой тяжестью давил ей на плечи. От этих приступов – слава Эльге, несчастных – не было лекарства. Переждать, перетерпеть – вот и все, что она могла. Зато после каждого такого случая невнятные голоса в ее голове надолго замолкали.

В порту зазвенел колокол.

Эсме пришла в себя. Вздвогнув, она оглядела лавку, словно оказалась здесь впервые: светлая комната с большими окнами, два плетеных кресла возле очага, полки и сундуки с книгами и зельями, посередине – специальный каменный стол, на который усаживали или укладывали пациентов.

Все как обычно.

Только Велина нет...

[Бамц!]

– Хватит! – рывкнула девушка, отбросила метлу и выбежала из дома, словно за ней погнался сам Великий Шторм.

На улице гомонила детвора, играя в пиратов. Звонкие крики разлетались по всей округе: «Чур, я Звездочет! А я Крейн, я Крейн!» Окрестные ребяташки частенько забежали к Велину и Эсме, чтобы залечить ссадины и царапины в обмен на какие-нибудь мелкие услуги, но в присутствии родителей держались отчужденно. Завидев целительницу, один из мальчишек первым делом осмотрелся – и лишь убедившись, что никто не наблюдает из окна, подошел к ней.

– Во имя Светлой Эльги, помоги мне! – Тонкий голосок, старательно выговаривающий ритуальную фразу, заставил Эсме улыбнуться против собственной воли. «Не отказывай страждущему, не жалея сил, не читай чужих мыслей» – такую клятву давал каждый вступающий в Гильдию, и нарушить ее было невозможно. Когда Эсме просили об исцелении, она всегда выполняла просьбу.

– Вот... – добавил ребенок плаксиво и протянул правую руку: от запястья до локтя змеилась глубокая воспаленная царапина.

Эсме напустила на себя суровость и покачала головой: дескать, еще чуть-чуть – и дело обернулось бы бедой. Потом она закрыла глаза и очень медленно провела раскрытой ладонью над рукой маленького пациента. Ребятишки не дыша следили, как под пальцами целительницы рождается золоти-

стое сияние – его отсветы ложились на лицо Эсме, придавая ей неземной вид.

– Ну вот, – сказала девушка, когда царапина исчезла без следа. – А теперь я тоже хочу тебя кое о чем попросить.

Мальчишка восторженно смотрел ей в глаза и ждал.

– Я ухожу в порт. Если за время моего отсутствия кто-нибудь придет, сможешь меня там разыскать? Я буду в «Водяной лошадке» или где-то поблизости от нее.

– Не вопрос! – Он заулыбался, демонстрируя дырку на месте переднего зуба.

Как обычно – полдня после очередного чуда ее будут любить, но в конце концов...

[Но в конце концов они становятся взрослыми, моя дорогая.]

Она потеряла затылок, однако внезапная боль уже прошла.

Узкая извилистая улочка вела к набережной. Эсме шла медленно, всей кожей впитывая свежий бриз: ветер с моря уносил печаль вместе с шальными мыслеобразами, позволяя ненадолго расслабиться.

У лавки с яркой вывеской «Древности и редкости» целительница ускорила шаг, старательно глядя в противоположную сторону. Несколько лет назад Велин, будучи при деньгах, завел ее внутрь и предложил выбрать «что-нибудь интересное». Другая на ее месте так бы и сделала – благо, выбирать было из чего, – но Эсме совершенно растерялась, увидев великое множество удивительных вещей. Там были стран-

ные ткани, покрытые светящимися узорами и струящиеся сквозь пальцы, словно вода; чудны́е Эльгины колокольчики из хрусталя, поющие от малейшего дуновения ветра; жутковатые мумии существ, о которых ей раньше доводилось читать в книгах Велина.

Больше всего ей понравились золотые бабочки, обитавшие внутри огромного стеклянного шара. «Придворные дамы в столице украшают ими волосы, – сказала Магда, хозяйка лавки, высокая женщина с крупными чертами лица и по мужски широкими плечами. – Тебе бы пошло, да только вот стоят они слишком дорого».

Украшения для волос? Эсме и не знала, что такое бывает. С крыльев прелестных созданий осыпалась золотая пыльца, но юная целительница поняла, что никогда в жизни не посмеет к ним прикоснуться. Она обернулась, взглянула на учителя – тот понял все без слов и направился к выходу. Уже у самой двери их догнали слова Магды: «А я бы купила твой шарф. Он из очень редкой ткани. Если что, заходи!» И вот тогда Эсме испугалась, хотя сама не понимала отчего.

Шарф был у нее всегда.

Магда не ошиблась, изумрудно-зеленая ткань и впрямь обладала особыми свойствами: она не снашивалась, не выцветала на солнце, не ветшала от времени, ее невозможно было порвать. Иногда девушка пропускала шарф, казавшийся совершенно новым, сквозь пальцы и гадала – сколько хозяек он уже сменил? Как попал к ней?..

Только он и остался у нее от прошлого, которое покоилось в [сундуке].

Улица вильнула, и Эсме вышла к небольшому рынку. Там было многолюдно, ночной улов рыбаки еще не распродали. Порт жил своей жизнью: от складов к причалу медленно топали гроганы, косматые длиннорукие гиганты, волоча огромные ящики с товарами; за гроганами наблюдал человек с плетью. Посреди лодочных загонов бурлила вода – кормили мальков, и те дрались за еду, отпихивая друг друга пока что маленькими носовыми таранами. Большие фрегаты стояли поодаль, у причала, тихонько покачиваясь на волнах. Их взгляды были похожи на назойливых пчел, которые все вьются и вьются, не решаясь ужалить, но и не желая улетать. Для рыбокораблей правило трех шагов не действовало: Эсме чувствовала беспорядочный поток нечеловеческих мыслеобразов и не могла от него закрыться, как ни старалась.

Горделивые гиганты скучали, желая поскорее вырваться в море – туда, где нет якорных цепей, где рыскают кархадоны и шаркаты, где дремлют под толщей воды ужасные кракены. Эти странные создания, испокон веков служившие людям и магусам верой и правдой, всегда вызывали у Эсме смешанные чувства. Не восхищаться фрегатами было невозможно, но сквозь облик кораблей-под-парусами, сквозь лжеплоть, изображавшую деревянный корпус и разноцветную ткань, проглядывала истинная сущность – звериная, пугающая.

Эсме замедлила шаг. Один из фрегатов внезапно сосредоточился на ней, словно вынырнув из водоворота сине-зеленых видений. Это была совершенно обычная торговая бочка со сложенными грязно-белыми парусами. Матросы чистили ее борта от паразитов и выросших кристаллов соли. Глаза корабля казались стеклянными, пустыми, но Эсме чувствовала: они смотрят, внимательно и с любопытством. На мгновение ей померещилось, что они разного оттенка: левый отдаст в зелень, а в правом больше небесной синевы. Но потом целительница поняла, что всему виной игра света и тени, а глаза у фрегата сине-зеленые, словно Океан, и совершенно одинаковые. Поглядев на нее, он сомкнул веки и снова погрузился в грезы о море и рыбах.

По набережной неторопливо прогуливалась тейравенская знать в нарядах, которые стоили больше, чем Велин и Эсме заработали за последний год. Дамы поправляли шляпки и жеманно обмахивались веерами, хотя до полуденной жары было еще далеко, а их спутники поглядывали в сторону моря с явным нетерпением. Несколько пар выделялись среди остальных: были выше ростом, казались сильнее и красивее, в их движениях ощущалось необыкновенное изящество, а во взглядах, которые они бросали на окружающих, – сдержанное высокомерие.

– М-магусы... – пробормотал, проходя мимо Эсме, какой-то матрос. – Дети кракена...

Так было всегда: магусов ненавидели и боялись. Слишком

красивые, сильные, умные и хитрые, они жили слишком долго и обладали слишком большой властью. Внешне неотличимые от людей, магусы были не людьми, а небесными детьми, пришельцами из другого мира. Эсме имела особую причину их ненавидеть, и эту причину она не спрятала в [сундук].

На стене таверны Старого Пью было пришпилено пять листков с оттисками личной печати императорского наместника в Тейравене. Эйдел Аквила усердно охотился за пиратами и предлагал всем желающим поведать о местонахождении самых опасных морских разбойников в обмен на вознаграждение. На двух листках из пяти оно было просто несусветным: пять и шесть тысяч имперIALов. Дороже всех прочих стоил пират по имени Кристобаль Крейн.

Эсме усмехнулась: моряки, чьи разговоры она слушала в таверне, то и дело спорили, как скоро Крейн обгонит свирепого Звездочета, и вот наконец этот день настал. Они оба были отчаянными сыновьями Шторма, но за голову первого теперь предлагали на целую тысячу больше. А еще Крейна, судя по написанному в объявлении, следовало «брать живым», что заставило ее удивленно нахмуриться. В последнее время все только и говорили, каким дерзким стал этот пират, которому удавалось успешно грабить даже казначейские флотилии и всякий раз уходить от сторожевых фрегатов, исчезая словно по волшебству. Как такого бандита взять живым, да и зачем вообще он нужен наместнику и капитану-императору?

Разве что для устрашающей казни на главной площади Облачного города. Так или иначе, в Тейравене ему вряд ли могло что-то понадобиться – бывшая столица княжества Амальфи ныне стала нищей имперской провинцией, и управлял ею магус, навлекший на себя гнев капитана-императора.

На всякий случай Эсме пригляделась – она не отказалась бы даже от двадцатой доли вознаграждения. А затем разочарованно вздохнула. С помощью рисунка, изображавшего Крейна, принять за знаменитого разбойника можно было бы каждого пятого посетителя «Водяной лошадки». Словесный портрет тоже мало что давал: *«...Высокого роста, волосы темные, глаза зеленые или голубые, заметных шрамов нет, особых примет нет»*. Нижняя часть объявления была оторвана, но вряд ли там имелось что-то полезное, раз уж «особых примет нет». Она может столкнуться с этим Крейном лицом к лицу и не узнать его...

Хозяином таверны был моряк, щуплый старик с деревянной ногой. Однажды он полез разнимать сцепившихся матросов и получил сильный удар по голове. Если бы не Велин, Великий Шторм забрал бы его к себе на Крабы луга. Старый Пью высоко оценил спасение собственной жизни и с тех пор всегда угощал Велина и его ученицу бесплатно. Не будь целитель таким молчуном, они с трактирщиком сумели бы по-настоящему сдружиться.

– О-о, вот и моя девочка! – Едва Эсме вошла, Старый Пью подхватил ее под локоток и повел к пустовавшему столику

у окна. Несмотря на увечье, он как-то умудрялся передвигаться очень быстро. – Садись-садись, я приготовил для тебя угощеньице. – Он хитро прищурился и жестом фокусника достал из кармана большой персик.

Эсме поблагодарила трактирщика.

– Как ты? – спросил он.

Его мыслеобразы были заполнены цифрами – все, что касалось «Водяной лошадки», Пью держал в голове, не доверяя бумаге, – но искреннее сочувствие и боль проглядывали сквозь арифметический хаос вполне отчетливо.

– Я заметила, на пристани собрался весь птичник, – сказала Эсме, сделав вид, что не расслышала вопроса. – Не знаешь почему? Ждут какой-то фрегат?

Старый Пью одарил ее щербатой улыбкой:

– Угадала! Из Облачного города идет «Морская звезда» с последними новостями и модными тряпками, должна прибыть сегодня. Оттуда давно не было кораблей, все соскучились. А Эйдел, видимо, по-прежнему надеется, что его величество в награду за верную службу позволит бедному рассказавшемуся орленку вернуться ко двору...

Девушка впилась зубами в перезрелый плод, не замечая, что сок течет по пальцам.

Эйдел Аквила, магус из клана Орла, считался олицетворением власти капитана-императора в Тейравене.

Со стороны казалось, что наместник наслаждается жизнью. Он устраивал балы и праздники, заводил романы с кра-

сивыми горожанками, гонялся за пиратами, если тех замечали поблизости от города, и даже год назад привез откуда-то двух белых пардусов, которые теперь охраняли его дом, повергая в трепет всех, кого угораздит их увидеть. И все же ни для кого не было секретом, что примерно десять лет назад его отправили сюда в наказание за какой-то проступок. Ходили слухи, что между Эйделом и принцессой Ризель вспыхнула романтическая страсть, которая не пришлась по нраву его величеству.

– Его высокомерство, должно быть, каждую ночь видит во сне Облачную цитадель... – язвительно проговорил трактирщик. – Вряд ли ему хорошо спится, в чужом-то гнезде.

Эсме быстро наступила старому моряку на уцелевшую ногу. В «Водяной лошадке» было несколько незнакомцев – кракен знает, кто такие и откуда. Пью даже глазом не моргнул и громким шепотом принялся рассказывать фривольную историю об очередной интрижке наместника. Завсегдатаи и чужаки исподволь прислушивались, пряча улыбки.

В общем-то, анекдоты об Эйделе тоже были небезопасны, но все-таки лучше, чем воспоминания о поре, когда Тей-равен еще не принадлежал капитану-императору, а в белом замке на горе жил лорд Буревестник. Хотя клан Амальфи уничтожили за двадцать лет до рождения Эсме, она иной раз ловила себя на том, что тоскует о временах, которых не может помнить, – чужая шальная тоска, еще один застрявший в ее памяти мыслеобраз. Знать бы чей?..

[Пора бы от него избавиться, разве нет? Ну же, не упрямысь.]

Отворилась дверь, и в «Водяную лошадку» вошли еще несколько человек. Пью шустро заковылял навстречу новым клиентам. Эсме сидела, поигрывая персиковой косточкой, и машинально прислушивалась к разговорам. Ничего особенного ей узнать не удалось: Звездочет расправился с очередным торговым караваном, упустив лишь один фрегат, и выжившие не преминули поведать всем новую историю о его злодеяниях.

Где-то к югу от Тейравена видели подозрительную флотилию: не то пираты собирались на дело, не то жители неугомонной Окраины что-то замыслили. Вейлана Стремительного, командующего флотом капитана-императора, ранили в сражении с фрегатом Лайры Арлини. В порт острова Баглей заходил корабль под изумрудно-зелеными парусами – пиратский фрегат «Невеста ветра», принадлежащий тому самому Кристобалью Крейну, за чью голову обещаны несметные сокровища.

Заскучав, Эсме посмотрела в окно: сквозь распахнутые ставни ветер вольно гулял туда и обратно, донося не очень-то приятные запахи с пристани. Воняло гнилой рыбой... или не рыбой?

Пью, в очередной раз проходя мимо, выглянул в окно.
– Искусай меня медуза, вот и огненный конвой, на неделю позже срока. Какой тупоголовый краб поставил трупход с

навстречной стороны? Будет теперь смердеть до вечера, пока они не разгрузятся...

Теперь Эсме поняла, в чем дело. В Тейравен пришел полуфрегат с грузом звездного огня – из множества прозвищ, которыми моряки награждали такие корабли, «дохлятина» и «трупход» были едва ли не самыми любезными. Тело полуфрегата – грузное, покрытое неприятными бесформенными наростами – не обладало ни малейшим изяществом, присущим прочим рыбокораблям, даже настоящим громадинам вроде бочек или проглотов. Трупход превосходил обычный фрегат лишь вместимостью трюмов, но собственные паруса ему заменяли искусственные. Хуже всего была вонь, ужасающий гнилостный запах, который пропитал абсолютно все на борту трупхода. Однако именно полуфрегаты перевозили звездный огонь, который ни один рыбокорабль, даже самый послушный, не позволил бы пронести на борт в достаточно большом количестве.

Она закрыла глаза. К запаху можно было привыкнуть, ко всему можно было привыкнуть, кроме невнятного бормотания в собственной голове. Сейчас, однако, она почти не слышала его и наконец-то смогла немного расслабиться. Среди людей, в окружении их мыслеобразов, но на расстоянии, достаточном, чтобы они не стали назойливыми, Эсме понемногу начала забывать о том, что случилось пять дней назад.

[Нет-нет. Ты знаешь, что надо делать, чтобы все забыть по-настоящему.]

– ...А в чем ты вообще уверен? – послышался раздраженный возглас, и целительница обернулась. Поодаль, за большим столом, сидела компания из пяти моряков и шумно спорила: – Я тебе говорю, так все и было! Кристобаль Крейн и Айха захватили Марейн, когда тамошняя крепость осталась без звездного огня, и полностью опустошили склады и сокровищницу! У них закончилась пресная вода, так эти ублюдки заставили женщин и детей катать бочки на борт, пока мужчин держали под прицелом стрелометов!

Говоривший, огромный детина с туповатым выражением лица, от усердия привстал, опираясь руками о стол. Его собеседники переглянулись и, видимо, решили не возражать. Однако за соседним столом нашелся некто, не столь благоразумный. Там расположилась четверка моряков весьма потрепанного вида. Один из них, с повязкой через левый глаз, показался Эсме сущим бандитом – что-то неприятное было в его нагловатой ухмылке, в расслабленной позе. Двое других выглядели близнецами: оба высокие, широкоплечие, с одинаково непроницаемыми физиономиями. Возразил спорщику четвертый из этой компании, довольно симпатичный темноволосый парень в зеленой куртке.

– Вранье! – заявил он во весь голос. – Я не знаю, что на самом деле произошло в Марейне, но если его и впрямь разграбили пираты, то Крейн в этом точно не участвовал.

– Это еще почему? – с хмурым видом спросил верзила, поворачиваясь к новому участнику спора.

– По трем причинам, – охотно пояснил матрос в зеленой куртке. – Во-первых, Крейн никогда не стал бы знаться с таким отребьем, как Айха. Во-вторых, он лоялен Окраинным колониям...

Эсме отметила, что незнакомец, пожалуй, слишком уж образован – где это видано, чтобы простой морской бродяга употреблял умные словечки вроде «лояльный»? Да и «Окраинными колониями» королевство Лайры никогда не называли. Окраина – она и есть Окраина.

Она вдруг пожалела, что сидит слишком далеко и не может ощутить мыслеобразы этого смельчака.

– ...И ни за что не причинил бы вред городу, откуда родом сам Лайра Отчаянный, – продолжал тем временем странный моряк. – Они же друзья, об этом знают, наверное, даже крабы. А в-третьих, у Крейна хороший фрегат, не какое-нибудь бестолковое корыто. Там есть опреснитель – зачем ему издеваться над мирными жителями радиоводы?

Верзила стукнул кулаком по столешнице:

– Чтоб меня медузы сожрали! Ты откуда взялся, меррский грамотей?!

– С того берега моря, – насмешливо отозвался матрос в зеленой куртке и, откинувшись на спинку скамьи, положил ноги на стол. В его правом ухе блеснула золотая серьга, свидетельствовавшая о том, что говорливый незнакомец проходил экватор. – Про «Невесту ветра» во всех портах судачат, только успевай слушать и запоминать. Но у тебя, видать, с

памятью как раз не все гладко. Ты, наверное, и бабьего узла завязать не сумеешь, потому что больше одной мыслишки в твою башку не помещается...

– Чего-о?! – взревел верзила и, в мгновение ока очутившись рядом с обидчиком, ухватил того за шиворот. – Ты что себе позволяешь, умник?!

– Я прав, – спокойно подытожил матрос с серьгой. – Славненько. Эй, народ! Я вызываю этого парня на состязание плетельщиков.

Весть о состязании непостижимым образом разнеслась повсюду, и вскоре в «Водяной лошадке» стало тесно. В толпе Эсме заметила даже парочку роскошно одетых магусов – видимо, небесным детям захотелось понаблюдать, как развлекаются простолюдины.

Правила состязания плетельщиков были просты: противники поочередно называли друг другу три узла похитрее и демонстрировали перед собравшимися свое умение. Специально избранный судья – им назначили Старого Пью – следил, чтобы никто не жульничал, и вел отсчет времени. Девушка ничуть не удивилась, когда матрос в зеленой куртке играючи справился с заданиями верзилы, а вот тому повезло куда меньше: если с «мерровой удавкой» он еще худо-бедно разобрался, то «петля грогана» заставила его потеть, а нечто под названием «оторви-и-выбрось» окончательно добило. После того как проигравший скрылся с глаз долой, весь красный от ярости и стыда, нашлись и другие

желающие попытаться счастья. Они тоже не смогли превзойти умелого незнакомца, и его кошелек заметно растолстел. Пью успевал и судить, и командовать трактирными слугами, шустро разносившими пиво. Веселье достигло своего пика, когда парень вдруг снял серьгу и громогласно объявил, что у него иссякло воображение, поэтому он отдаст украшение игроку, который сумеет не завязать, *аразвязать* узел, который он завяжет сам. Такое позволялось правилами, но ставить на кон символ пересечения экватора было неслыханной дерзостью. И все же Эсме оказалась едва ли не единственной, кто почувствовал подвох.

Когда пятый претендент на золотую сережку ушел несолоно хлебавши, она пробралась к столу, за которым устроился хитроумный плетельщик, и взглянула на дело его рук: узел из двух веревок был прост... обманчиво прост. Целительница, задумчиво хмурясь, проследила, как еще два человека попытались его развязать, отчего плетение еще больше запуталось. Что бы ни делали матросы, узел оставался узлом. Он был странный – словно живой.

Где-то на дне ее памяти шевельнулся чужой мыслеобраз.

В самом деле, почему бы не попробовать...

– Эй, весельчак! – негромко позвала Эсме. Незнакомец тотчас обернулся, его приятное загорелое лицо осветилось широкой белозубой улыбкой. – А если я развяжу узел, ты выдержишь слово и отдашь серьгу? Я ведь не из ваших.

Один из товарищей незнакомца начал было возражать, но

другой – с повязкой на глазу – остановил его. Плетельщик узлов этого не заметил, он смотрел только на Эсме.

– Даю слово. А если у тебя не получится... – Парень хитро улыбнулся. – Ты подаришь мне поцелуй сегодня ночью?

– Идет, – согласилась Эсме и даже не покраснела.

Моряки притихли и с интересом уставились на нее.

Целительница взяла веревку и позволила рукам действовать отдельно от разума, как если бы все происходило во сне. Собравшиеся, затаив дыхание, наблюдали, как она немного ослабила плетение, затем продела один из свисавших концов сквозь образовавшуюся петлю. Казалось, что она еще сильнее все запутала и теперь-то узел ни за что не развяжется.

Зажмурившись, Эсме подняла руки над головой, чтобы веревку видели абсолютно все в таверне, а потом медленно потянула концы в разные стороны. Хотя сама она и не видела результата, восхищенный вздох был прекрасным свидетельством того, что у нее получилось.

Она открыла глаза. Матрос смотрел на нее не мигая, с растерянностью и какой-то странной тоской. Он, наверное, уже очень давно не проигрывал.

– Малый, выполняй уговор! – крикнул кто-то.

Матрос с тяжелым вздохом протянул победительнице награду.

Эсме спрятала руки за спину.

– Предлагаю немного изменить условия спора, – сказала она, и тут-то растерялись все собравшиеся вокруг зрители. –

Оставь ее себе – мне без надобности такие украшения. Пообещай взамен, что, если тебе или кому-то из твоих друзей в Тейравене понадобится помощь целителя, вы пойдете ко мне, а не куда-то еще. Меня зовут Эсме.

На мгновение в таверне стало тихо, а потом все сразу начали шумно обсуждать, возможно ли поступить так, как она предложила. Кто-то вспомнил про судью состязания. С трудом сдерживая улыбку, Старый Пью произнес патетическую речь о том, что нет ничего важнее честного слова, и в конце концов заявил, что такой обмен вполне допустим, поскольку серьга бесценна и, соответственно, проигравшему предстоит расплачиваться всю оставшуюся жизнь.

– Осталось лишь понять, – закончил Пью, – сумеешь ли ты уговорить товарищей.

– Не извольте беспокоиться, – заявил матрос, к которому уже вернулось самообладание. – Даже мой капитан не станет возражать. Я принимаю твои условия... Эсме.

Ее рука казалась маленькой и слишком белой на фоне загрубевшей ладони моряка.

– Пива всем за мой счет! – объявил он, и в последовавшей суматохе Эсме не сразу заметила, что за ней пристально наблюдает какой-то человек в черной куртке с капюшоном, низко надвинутым на лицо.

В тот момент, когда она его увидела, маскировка потеряла всякий смысл, поскольку мыслеобразы наблюдателя свободно вертелись вокруг него и прочитать их не составляло

труда. Он был близко – как раз в трех шагах.

Эсме застыла, растерянно моргая.

Мужчина в капюшоне растолкал стоявших впереди и, взяв ее за локоть, повлек к выходу. Целительница попыталась сопротивляться, но его хватка была нечеловечески крепкой, и двигался он очень быстро.

– Отпустите! – наконец сумела выговорить девушка, когда они оказались на улице. – Что вам надо от меня? И что столь уважаемая персона, как вы, делает в таком сомнительном заведении?

– В каком порядке отвечать на вопросы? – язвительно поинтересовался высокий красивый магус, глядя на нее из-под капюшона. – И где твоя почтительность, целительница Эсме, подруга пьяных матросов?

– Там же, где ваша совесть, господин Аквила! – огрызнулась девушка. – Отпустите сейчас же!

Эйдел рассмеялся и отпустил ее руку так резко, что она чуть не упала.

– Недолго же ты горевала после смерти учителя и опекуна. А я всего лишь хотел выразить свои соболезнования. Все собирался нанести визит, да вот посчастливилось встретиться случайно... в самом неожиданном месте.

– Не говорите глупостей, я вам не верю, – хмуро пробормотала Эсме, потирая локоть, – он словно побывал в тисках. – Вы только за последний год дважды появлялись у нас – случайнее некуда! – и оба раза это приводило к неприятностям.

– Эсме, послушай... – Наместник вновь взял ее под руку, на сей раз аккуратно и даже любезно, и повел в сторону ближайшего причала. – Пять лет назад, когда ты отправила в Облачный город прошение о пересмотре того давнего дела, я объяснил тебе, что произошедшее с твоей семьей – лишь печальная закономерность. Я выполнял обязанности, возложенные на меня его величеством.

– Вы... – От возмущения она чуть не задохнулась, но продолжала идти рядом с ним, не в силах остановиться. – Это ведь было ваше решение, ваш приказ! Никто не обвинял моего отца в сотрудничестве с пиратами, пока вам вдруг не понадобилось отнять у моей семьи все имущество! После этого вы смеее утверждать, что...

– Твой отец лишился всего из-за собственной неосмотрительности, а я поступил так, как велел мне долг. – В голосе магауса проскользнули металлические нотки, приятное лицо стало похожим на каменную маску. – И хватит орать. Ты сейчас повторяешь чужие домыслы, а сама ничего не помнишь. Я давно знаю про твой... как вы там его называете? Да, про твой сундук. Я знаю все. Хватит глупостей, а то еще дофантазируешься до того, что пожар в вашей лачуге тоже я устроил.

[Бамц!]

Он знал, как сделать ей больно. По щекам Эсме потекли слезы.

– Хватит о былом. Я вот что хотел спросить... Не осталось

ли каких-нибудь бумаг Велина? Может, он вел записи о том времени, когда был целителем на... гм... фрегате?

– Разве ваши шпионы не обшарили лавку в первую же ночь после его смерти? – хмуро поинтересовалась Эсме. – Я не спала и прекрасно слышала, как они ходят вниз. Спасибо, что хоть не украли ничего.

Наместник коротко рассмеялся, скрывая нетерпение.

– Помилуй, дитя! Что такого ценного они могли найти, кроме вороха дурацких свитков с рецептами дурацких зелий? То, что мне нужно, несравнимо дороже.

– О чем вы, кракен побери, говорите?! – растерянно спросила целительница. – Мы... я... у нас с Велином не было никаких драгоценностей! Это, наверное, какая-то ошибка.

Он вздохнул, как вздыхает отец, уставший беседовать с непослушным ребенком и понимающий, что придется перейти к более действенным мерам. В этот момент толпа, собравшаяся на пристани, заволновалась: на горизонте показалось темное пятнышко.

– Я должен тебя покинуть, – сказал Эйдел, и его голос смягчился, а настроение заметно улучшилось. Он и впрямь очень ждал прибытия «Морской звезды». – Но наш разговор не окончен. Мне нужна информация, Эсме. Не драгоценности, не деньги, *асведения*. Если ты вдруг вспомнишь, что Велин рассказывал про своего капитана... или найдешь его записи об этом человеке...

Магус помедлил, потом договорил:

– То я смогу рассказать кое-что интересное о ночи, когда погибла твоя семья. Тебя это очень заинтересует, но в жизни ничего не дается даром. Заплатишь мою цену – я в долгу не останусь. Думай.

И он ушел. Эсме шагнула вперед, будто ослепнув, и налетела на незнакомца – высокого пожилого мужчину с длинными седыми волосами, который стоял и курил трубку, задумчиво наблюдая за приближением корабля. Вопреки ее ожиданиям, незнакомец не стал возмущаться, а учтиво спросил:

– Вам плохо?

Она стиснула зубы. Ей и в самом деле было нехорошо, но рассказывать об этом постороннему явно не стоило. Старик с сомнением покачал головой. Эсме ощутила его желание помочь и, торопливо отступив, смешалась с толпой.

[Гордость тебя погубит, дитя.]

Когда долгожданный гость – «Морская звезда», большой горделивый фрегат с парусами цвета запекшейся крови – уже направлялся к пристани, Эсме кто-то окликнул. Она усилием воли стряхнула апатию, нахлынувшую после неприятного разговора с Эйделом, и огляделась. Вокруг собралось достаточно много людей, и прошло еще несколько минут, прежде чем мальчишка-сосед сумел протолкаться к ней.

– Эсме, скорее! – Он схватил ее за руку и потянул за собой. – У твоего дома два посетителя, они ждут! Ну что же ты стоишь?!

«Посетители?»

Она окончательно пришла в себя и заторопилась домой, напоследок взглянув на «Морскую звезду», которая начала складывать паруса. Целительница ничего не смыслила в морском деле, но мыслеобразы, исходившие от этого фрегата, ощущала отчетливо. Существо было охвачено сильным недовольством, переходящим в злобу. Интересно, кто же ухитрился так испортить рыбокораблю настроение?

– Это не мое дело, – пробормотала Эсме и лишь теперь вспомнила, что не узнала ни имени плетельщика узлов, ни названия его фрегата. Все из-за внезапного появления наместника. Она могла бы расспросить Пью, но отчего-то чувствовала, что толку от расспросов не будет.

Что ж, поделом – ведь она выиграла спор нечестно.

У дома ждали двое: мужчина и мальчишка-подросток. Эсме никогда раньше их не встречала и, ощутив внезапную уверенность, что это матрос и юнга, поспешно остановилась, не решаясь приблизиться на три шага.

– Доброго вам дня! – сказал старший и поклонился, словно видел перед собой важную даму, а не бедно одетую бо-соногую девушку. Он был долговязый, нескладный, с лицом добродушным, но очень некрасивым: с чересчур крупными чертами и глазами навывкате. – Это дом целителя Велина, не так ли?

Юнга, светловолосый и голубоглазый, глядел на нее с робким интересом и молчал. По сравнению со стоявшим рядом

матросом он казался весьма симпатичным, и еще в нем чувствовалось что-то странное...

Вместо ответа на вопрос Эсме просто кивнула.

– Вы, должно быть, его ученица? – продолжил матрос, смущенно улыбаясь. – Где же сам Велин? Я должен передать ему послание от старого друга. Его нет?

Наверное, у нее изменилось выражение лица, потому что неожиданные гости растерянно переглянулись. Эсме с трудом взяла себя в руки. Как бы ни хотелось ей и дальше молчать, чтобы не бередить рану, которая только-только начала затягиваться, нужно было рассказать всю правду о случившемся.

– Его совсем нет, – тихо проговорила она. – Пять дней назад мой учитель умер.

Юнга сочувственно охнул. Матрос понял, что их появление причинило ей сильную боль. Он всплеснул руками и забормотал так тихо, что она едва расслышала:

– Мне жаль, мне так жаль... простите нас... мы всего лишь хотели...

А потом окончательно растерялся и замолчал.

– Что вы должны были передать? – спросила Эсме, и вопрос прозвучал резковато. Настал ее черед смущаться, но ни матрос, ни его юный спутник этого не заметили.

– Послание на словах, – сказал матрос и махнул рукой. – Просьбу о встрече... Впрочем, теперь это не имеет значения. – Он тяжело вздохнул и покачал головой: – Сочувствую ва-

шей потере. Пусть его душе будет спокойно в Садах Эльги. А нам пора...

– Доброй погоды, попутного ветра, – хмуро пробормотала Эсме.

На этом короткая и бестолковая беседа завершилась. Войдя в дом, целительница не удержалась и выглянула из окна: странная парочка как раз заворачивала за угол, и юнга напоследок обернулся. Эсме даже издалека почувствовала жалость, которую он испытывал, и ее настроение испортилось окончательно.

Она присела на табурет, окинула взглядом комнату и закрыла глаза – так удобнее было думать. Все шло просто отвратительно. За две недели, пока Велин болел, не вставал с постели и не работал, их скудные сбережения подошли к концу. В кладовой остался только мешок сухарей, да и тот неполный. Вдвоем они едва выживали, а что же теперь ей делать одной?

Она даже продать ничего не сумеет, кроме зеленого шарфа.

Эсме сняла его и разгладила тонкую ткань на коленях. Хозяйка «Древностей и редкостей» будет рада заполучить вожделенную диковинку, хотя полной цены точно не заплатит – из скупости, свойственной всем торговцам, а также из мстительного желания наказать строптивую девчонку за то, что на раздумья ей понадобилось несколько лет. И все-таки шарф подарит ей время. Она докажет всем – и горожанам, и

морякам, – что юная девушка может быть столь же искусной целительницей, как и седой старик.

Впрочем, Велин рано состарился, потому что превосходил многих...

Эсме ощутила внезапное беспокойство – лицо учителя перед ее внутренним взором сменилось лицом Эйдела Аквилы, а потом мимо проплыл, помахивая хвостом, все тот же мыслеобраз – серебристая рыбка с черными полосками по бокам.

Десять лет назад жизнь Эсме перевернулась – десять лет назад она открыла [сундук], о котором – если Велин не пугал ее нарочно – другие целители предпочитали говорить шепотом или вовсе молчать. То, что было до [сундука], она знала лишь по рассказам Велина и обрывкам подслушанных разговоров. Ее звали Эсме Занте. Она родилась в Тейравене, весной ей исполнилось двадцать. Ее отец, Бартоло Занте, был торговцем, мать, Леона Занте, – дочерью рыбака. Ее брат, Паоло, был на пять лет старше. Однажды ее отца обвинили в сотрудничестве с пиратами Окраины, и Эйдел Аквила, разобрав дело за полчаса, постановил конфисковать все, что принадлежало «пособнику бандитов». Той ночью, когда они ждали приставов, случился пожар, и все, кроме Эсме, погибли в огне.

Она все потеряла. Почему же шарф, о котором нет никаких воспоминаний, кажется ей таким важным?..

[Так я и думал. Ты лучше помрешь с голоду, чем расста-

нешься с ним.]

– Я боюсь совершить ошибку, – сказала Эсме вслух. – Я понятия не имею, что он на самом деле значит для меня. Вдруг это ключ к... тайне? И если я его отдам, то уже никогда не узнаю правды?

[Если не отдашь, то погибнешь.]

Она снова почувствовала боль в затылке и еще кое-что... Ощущение было такое, словно Велин разговаривает с ней откуда-то из-за стены, и его голос звучал очень неразборчиво – она не могла понять ни единого слова, хотя напряженно прислушивалась. Ей так не доставало того, кто мог бы дать мудрый совет.

– Светлая Эльга, ну хоть ты сделай что-нибудь, – попросила она, смущаясь и злясь на себя за то, что обращается к Заступнице – да еще и вслух! – хотя раньше была твердо уверена, что со всеми невзгодами справится сама. У Эльги и без того хватало проблем. – Мне, похоже, больше не к кому идти...

Эльгин колокольчик на окне тихо и грустно звякнул. Эсме невесело улыбнулась, выпрямила спину и положила руки на колени ладонями вниз. Медитация должна была успокоить ее тревогу, привести в порядок разбредавшиеся мыслеобразы. Ну что ж, придется довольствоваться малым, раз уж никто и ничто не в силах ей помочь.

[Паоло идет по мелководью, и серебристая рыбка неот-

ступно следует за ним, то и дело подплывая совсем близко. Он поворачивается к Эсме: на его лице улыбка до ушей, глаза сияют от счастья. Подумать только, собственный фрегат. Пока что совсем маленький, помещается в ладонях, но настоящий – с умным взглядом, с характером... Существо, которое никогда не предаст. Даже как-то не верится, что оно вырастет и станет такой же громадиной, как и те, что стоят у причалов в порту.

– Ты уже придумал имя?

– Нет.

В его улыбке сквозит лукавство.

– Врешь! Ты просто не хочешь мне говорить!

– Не выдумывай!

– Скажи! Скажи, а то я пожалуюсь маме... Я ей расскажу, что ты опять с Ведьминого носа прыгал, хотя клялся, что больше не будешь так рисковать!

– Ты следила за мной? Отхлестать бы тебя медузыми щупальцами за такое!

– Скажи! Скажи сейчас же!

– Ладно. Я назову ее...

Берег тонет в яркой вспышке, а потом наступает тьма.]

Через несколько часов она пришла в себя от голода и побрела в кладовую, взяла несколько сухарей из мешка. Потом подобрала с пола кусок заплесневелого сыра и задумчиво на него посмотрела.

В дверь постучали.

– Эсме, или как там тебя?

На пороге стоял высокий широкоплечий мужчина с уродливым шрамом на правой щеке и длинными ручищами, делавшими его похожим на грогана. Надсмотрщик, тот самый, которого она видела утром в порту. Кажется, они раньше встречались, она даже вспомнила его имя – Кайо. Взгляд у неожиданного гостя был злой, словно не он пришел просить о помощи, а его о чем-то попросили, и весьма не вовремя.

– Во имя Светлой Эльги, помоги, – проговорил он быстро, без намека на почтительность. – В порту фрегат схлопнулся и задавил троих. Двоих слегка прижал, а третьему, кажется, переломал ребра.

– Троих? – растерянно переспросила Эсме.

– Гроганов, – уточнил надсмотрщик с ухмылкой. – Троих, чтоб их кракен слопал, мохнатых гроганов. Ты идешь со мной или постоим, поговорим – подождем, пока они там все сдохнут?

Она кивнула и метнулась к сундуку с целительскими зельями: для серьезных ран пробудиловки не хватит, тут требуется кое-что посильнее. Зелья различались не только по вкусу и цвету – у каждого имелось название – зачастую красивое, поэтичное, вроде «лунного света» или «крови мерра», – и каждое обладало особыми свойствами, позволяя черпать из запасов, подаренных Эльгой, достигая все большей глубины. Самое сильное снадобье называлось просто «смола»,

и цвет у него был темно-коричневый, почти черный.

Схватив флакон с лазурной «кровью мерра», Эсме поспешила следом за Кайо.

В бараки они вошли через черный ход. Внутри было темно и сыро, со всех сторон слышалось ворчанье и сопение. Кто-то неразборчиво бормотал низким голосом, судя по интонации – жаловался. Кайо грязно выругался и достал плетку. Бормотание тотчас же стихло.

Глаза Эсме с трудом привыкали к полумраку, но она и не собиралась полагаться на обычное зрение – сейчас в дело вступало целительское чутье. Мир вокруг нее изменился: стены барака растворились, все залил мерцающий свет, в котором застыли девять фигур – широкоплечих, длинноруких и мохнатых. Один лежал на полу, другие стояли рядом и смотрели на него. Их тела стали для Эсме безликими сосудами, в которых содержалось то, с чем ей и предстояло работать.

Она не боялась гроганов. Мало кто испытывал к этим созданиям другие чувства, кроме страха и отвращения; даже Кайо и прочие надсмотрщики их опасались, во всем полагаясь на плети. Но Эсме и Велин лечили гроганов не только потому, что вынуждены были браться за самую опасную и грязную работу. «Ни одна живая тварь не заслуживает боли и страданий, – часто повторял ее учитель. – Мы просто цветы во мраке, только и всего».

– Отойдите в сторону, – попросила Эсме и тут же вспом-

нила, что гроганы выполняют только строго определенные команды. Однако они все-таки отступили, как будто поняли ее. Вокруг витали их простые и понятные мыслеобразы, среди которых преобладали сильная усталость и не менее сильный голод. Злобы не было совсем.

Эсме глотнула «крови мерра», закрыла глаза и протянула руки к раненому.

Когда реальный мир отступал и открывалась дорога в то место, которое целители называли сердце-сутью, каждый из них видел что-то свое. Велин рассказывал ей о длинных полосах разноцветной ткани, которые нужно было штопать и зашивать, но сам, впервые упомянув о цветах во мраке, невольно придал воплощению ее целительского дара другой образ. Там, куда она попадала, царствовала безграничная тьма, и посреди тьмы рос одинокий цветок, словно бросающий вызов пустоте. Желтые цветы сердце-сути гроганов казались до смешного безобидными по сравнению с их грозной внешностью.

У того цветка, что распустился перед ней сейчас, некоторые лепестки были изломаны, их края стремительно высыхали. Эсме ринулась вперед, и ее пальцы превратились в иглы, а то, что она черпала из целительского источника в своей душе, – в нить.

Она начала шить.

Это было ее долгом, ее призванием – шить, восстанавливая разрушенное.

Когда целительница открыла глаза, над ней нависала поросшая черной шерстью физиономия с красными глазами под выступающими надбровными дугами и с клыками, словно созданными для того, чтобы рвать глотки врагам. Искленный гроган обнюхивал ее лицо, посапывая. Она обернулась в поисках Кайо:

– Этот готов. Где остальные двое?

Эсме не видела лица надсмотрщика – он казался черным силуэтом на фоне дверного проема, – но почувствовала в его позе странное напряжение, которого не было до того, как она погрузилась в целительский транс.

– К кракену тех двоих, и так очухаются. Этот дурной фрегат только что придавил еще пятерых, – сказал Кайо. В его голосе звучала досада. – Я... ох, даже не знаю... Ты, конечно, не осилишь стольких тварей зараз, так что пойду-ка я искать другого цели...

– Давайте сюда всех, – перебила Эсме. – Я справлюсь.

Он на миг застыл, а потом махнул рукой кому-то снаружи.

Через минуту в барак одного за другим начали заносить раненых.

Со второго раза фрегату удалось куда сильнее навредить косматым созданиям. Все пятеро пострадали очень серьезно: у одного были сломаны обе ноги, другому сплющило грудную клетку, еще у двоих оказались до живого мяса ободраны спины. Эсме машинально вытащила из кармана фла-

кон с «кровью мерра», отпила немного, потом взглянула на последнего грогана – и осушила все до дна.

У несчастной твари был сломан позвоночник.

Усталость тела не имеет ничего общего с усталостью души. Исцелив последнего пациента, Эсме почувствовала себя кувшином, из которого вылили всю воду.

– Ты хорошо поработала, – донесся откуда-то издалека голос Кайо. – Держи.

Она взяла у надсмотрщика маленький кошелек и не стала его развязывать, чтобы пересчитать деньги. Обманывать целителя, даже молодого и неопытного, грешно, и немногие рискуют навлечь на себя гнев Светлой Эльги. За гроганов платят мало, но на неделю ей хватит, при ее-то скромных запросах. Вот и хорошо. Шарф пока можно не продавать.

Снаружи погасли последние отблески заката и затихли колокола эльгинитов. Где-то поблизости шумно вздыхало море. Кайо щелкнул плеткой, и гроганы друг за дружкой двинулись к выходу – их работа продолжалась до поздней ночи. Они шли, покачиваясь, обдавая Эсме волнами звериного запаха и привычными спокойными мыслеобразами – работа, спать, спать, еда, – но последний на мгновение задержался и пристально посмотрел на целительницу. В его глазах она разглядела совсем не звериное выражение. Он наклонил голову, словно в знак признательности. Эсме растерянно моргнула и решила, что если гроган кажется ей разумным существом, то она, вероятно, уже спит.

Вернувшись домой, она лишь у лестницы на второй этаж сообразила, что не заперла входную дверь. Обратный путь до порога показался неимоверно длинным, потому что глаза слипались, а ноги шли тяжело, будто по песку.

Дверь закрываться не хотела.

Целительница медленно опустила взгляд и увидела в дверном проеме чью-то босую ступню с длинными черными ногтями, больше напоминающими когти, покрытую... перьями?

Незнакомый голос со странным певучим акцентом произнес:

– Во имя Светлой Эльги, помоги!

Эсме подняла голову и увидела ожившую легенду.

Он был невысокого роста – лишь самую малость выше самой целительницы, худощавый, с узкими плечами и загорелым до черноты треугольным лицом, на котором выделялись огромные бирюзовые глаза. Жесткие черные волосы стояли дыбом; в сочетании с длинным носом с горбинкой это придавало чертам странного гостя что-то птичье. Собственно, он и был птицей – наполовину. За его спиной виднелось нечто, в густом сумраке тейравенского вечера похожее на развевающийся плащ. Крылья. Гигантские, черные, настоящие. Из одежды на нем имелись только широкие матросские штаны; черные перья покрывали тело от шеи вниз – они не росли только на ладонях, где кожа была темно-серой. Пальцы вен-

чали острейшие изогнутые когти.

– Во имя Светлой Эльги... – повторил крылан, настороженно глядя на нее.

Эсме вдруг поняла, что этот странный день может закончиться для нее очень плохо. Она уже выбрала порядочное количество целительской силы. Если новому гостю, весьма необычному, понадобится серьезная помощь – а судя по тому, что в мыслеобразах человека-птицы звенит сталь и раздаются чьи-то крики, так и есть, – ей придется выпить что-то еще, тем самым нарушив одно из правил Велина, гласившее, что нельзя на протяжении суток принимать больше двух разных зелий.

Но, с другой стороны, клятва Эльги важнее всех правил.

– Входите. – Она отступила, пропуская визитера. Крылан вошел – кончики маховых перьев прошуршали по полу, – а следом показали двое дюжих матросов, тащивших третьего. Бедолага едва переставлял ноги, голова его свесилась на грудь, и черные волосы полностью скрывали лицо. Там, где его провели, остался кровавый след.

Последним вошел плетельщик узлов.

– Я сказал, что сдержу слово, – произнес он, улыбаясь. – И сдержал.

Он был очень бледен и шатался. Эсме опустила взгляд: на зеленом сукне куртки расплывалось темное пятно. Она подалась вперед, чтобы приложить ладонь к ране, но крылан с неожиданным проворством схватил ее за запястье.

– Здесь есть тот, кому твоя помощь нужнее, – сказал человек-птица, кивком указывая на стол, куда уложили раненого.

Эсме нахмурилась. Незнакомец был без сознания, он потерял много крови и действительно нуждался в помощи. Однако стоявший перед ней матрос мог умереть в любую секунду.

– Это правда. – Плетельщик попытался улыбнуться, на его лбу выступили крупные капли пота. – Помоги ему...

Целительница упрямо поджала губы – Велин знал эту гримасу, он бы понял, что спорить с его ученицей сейчас не стоит. Крылан что-то сказал, но Эсме уже нырнула в сердце-суть Плетельщика.

Ослепительно-белые лепестки его души хранили следы целительского вмешательства – их зашивали и штопали не меньше двадцати раз. Кругом порхали мыслеобразы – доверчивые, словно ручные голуби. Возле сердце-сути время текло по-другому, можно было не торопиться, поэтому Эсме не устояла перед искушением, коснулась одного – и на краткий миг очутилась на верхушке мачты, наедине с бескрайним голубым простором, где не существует границы между небом и морем.

А потом принялась за дело.

Когда за жизнь Плетельщика уже можно было не опасаться, она оттолкнула его и прошла мимо стола, где лежал раненый, к сундучку с зельями. Крылан уже ничего не говорил – смотрел молча, не мигая, и в его взгляде читалось множе-

ство разнообразных чувств. Он ей не доверял.

Эсме вытащила еще один флакон «крови мерра», зубами вытянула пробку и выплюнула ее, после чего выпила содержимое залпом.

«Я попробую так. Если не получится, то...»

[Если не получится, тебя ждет мучительная смерть.]

Прошла будто бы целая вечность, прежде чем в голове у нее прояснилось. Эсме с некоторым удивлением посмотрела на предмет, который вот уже некоторое время сжимала в кулаке. Наконечник стрелы, застрявший у Плетельщика между ребер. Под действием ее силы он вышел и теперь казался просто безобидным куском железа. Интересно, у этого моряка каждый день случается так, что утром он зарабатывает кругленькую сумму, а вечером здоровается с самим Великим Штормом?..

Она снова запустила руку в сундук и вытащила другой флакон.

– Держите. – Крылан слегка оторопел, но принял хрупкую стеклянную бутылочку с густой темно-коричневой жидкостью безропотно, не задавая лишних вопросов. – Если что-то пойдет не так... если вы увидите, что вашему другу не становится лучше... заставьте меня это выпить. Одного глотка достаточно. Заставьте, даже если я стану сопротивляться.

Человек-птица кивнул.

Каждое слово, каждое движение отнимало силы. Эсме подошла к столу, приподняла лохмотья, в которые преврати-

лись куртка и рубашка незнакомца, и поняла, отчего Плетельщик узлов и крылан так беспокоились о нем: лицо и грудь моряка покрывала корка запекшейся крови, а его правую руку явно попытался оторвать или отгрызть какой-то большой зверь... и почти преуспел. Кто-то перетянул страшную рану жгутом чуть выше локтя. Друг Плетельщика мог умереть от потери крови или потерять руку. Но этого, конечно, не случится. Она ему поможет.

А Эльга-Заступница поможет ей.

Взрыв.

Эсме попала не во тьму, а в самый центр пламенного вихря, и, на мгновение позабыв о собственной бестелесности, ощутила страшную боль. Об этом ей раньше доводилось лишь читать в книгах, потому что магусы никогда не приходили к Велину с просьбой об исцелении.

Мерзавец, лживая тварь, сородич вероломного Эйдела Аквилы...

Нет. Нет-нет-нет. Велин говорил, что все люди – просто цветы во мраке, и был прав. У гроганов сердце-суть желтого цвета, у людей – белого, у магусов, как она теперь убедилась, – бледно-лилового. Но сам по себе цветок души хрупок и беззащитен, как бы ни выглядел содержащий его сосуд. Она целитель. Ее долг – исцелять, шить, восстанавливать разрушенное.

Ведь ни одна живая тварь не заслуживает боли и страда-

ний.

Она превратила свои пальцы в иглы и подготовила нить, а потом вдруг ощутила чье-то постороннее присутствие. Вот об этом в книгах не писали, и Велин ей не раз повторял, что целитель и пациент всегда остаются *наедине*. Даже когда он сам наблюдал за работой ученицы, она его не чувствовала, и он не смог бы вмешаться, случись что-нибудь нехорошее. Теперь же все было по-другому. Кто-то следил за ней, кто-то находился рядом. Сосредоточившись на странном ощущении, она поняла, что наблюдатель – не человек и не магус. Его присутствие было рассеяно во тьме, и, как Эсме ни старалась понять, где он, все время получалось, что чужак смотрит ей в затылок. От этого она начинала ощущать собственное тело, делалась слишком тяжелой для эфемерного мира сердце-сути, снова теряла контроль над собой.

А еще здесь были серые тени...

По ту сторону бледно-лиловых лепестков мелькали силуэты людей, которых этот магус отправил к Великому Шторму. Их было много, очень много. Такие тени ей и раньше встречались – острые ножи моряки носили вовсе не в качестве украшений, и всякий раз, после того как лезвие отнимало чужую жизнь, в душе убийцы оставался отпечаток. Даже если он защищался или если его поступок был оправдан иной причиной. Но еще ни разу Эсме не видела, чтобы серых теней оказалось... двадцать? Двадцать пять? Нет, больше. Они множились, кружились, словно танцуя под неслыш-

ную музыку, и она не могла их сосчитать.

Магус, да к тому же головорез, у которого руки в крови не по локоть, а по самые плечи.

Руки!

Усилием воли заставив себя не обращать внимания на затаившегося наблюдателя, которого здесь не должно было быть, Эсме принялась за дело. Она пришла, чтобы восстановить целостность сердце-сути, остальное ее не касается. Зашить дыры. Залатать прорехи. Она – игла, она – нить, и больше ничего.

Человек-птица, Плетельщик узлов и двое незнакомых матросов видели, как разверстая рана на руке их товарища заживает сама по себе: тянутся нити сухожилий, кровь наполняет сосуды, новая кожа темнеет, сливается со старой.

Мимо нее проплывали мыслеобразы, серебристые рыбки.

– Высокая темноволосая женщина стоит на балконе и смотрит вдаль. Чайки, пронзительно крича, вьются над прибрежными скалами. На женщине платье изумрудного цвета, она красива, как все небесные дети, и еще она очень несчастна. Ее губы шепчут чье-то имя, а рука невольно приподнимается, словно желая схватить маленький фрегат, идущий прямым курсом на закат, и вернуть домой – туда, где Великий Шторм не будет ему угрозой. Она думает, что рядом никого нет, и лишь поэтому позволяет себе плакать.~

– В ослепительно синеющей дали – тонкая, как лезвие бритвы, граница между двумя безднами. Руки онемели от напряжения и вот-вот упустят спасительное, но предательски скользкое бревно. Над водной гладью парят призраки – прозрачные руки тянутся, так и норовят схватить, утащить за собой. Беззвучно шевелятся тонкие губы: разве ты не страдался вдосталь? Разве не просил всех богов, своих и чужих, о встрече с нами? Так вот мы, здесь. Просто протяни руку – и все закончится.~

– Площадь, заполненная людьми. Их много – не протолкнуться. Совсем рядом мальчишка-оборванец вытаскивает кошелек из кармана какого-то толстяка, не волнуясь о том, что его заметят, – все взгляды прикованы к возвышению в центре площади. Кажется, там произошло что-то страшное.~

Внезапно Эсме ощутила сильную тревогу. Она огляделась по сторонам: бледно-лиловое полотно магусовской сердце-сути было уже почти целым, и теперь целительница находилась внутри огромного цветка, чьи лепестки пронизывала едва заметная паутина линий, напоминавших сосуды, заполненные золотистой кровью. Эти линии на глазах утолщались, наливаясь силой, и присутствие наблюдателя, непонятной лишней души, становилось все ощутимее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.